

A woman with dark hair pulled back, wearing a pearl headband and a pearl earring, is shown in profile looking out a window. She is wearing a white lace-trimmed garment. The scene is bathed in warm, golden light from the window.

Дебора Моггак

ТЮЛЬПАННАЯ ЛИХОРАДКА

Читайте книгу — смотрите фильм!

Голландия, 1630 год.

Страна охвачена страстью к тюльпанам. Красивые цветы вдруг становятся дороже золота. На тюльпанах разоряются и наживают огромные состояния. Чтобы завладеть драгоценными луковицами, жители Амстердама готовы на все – на обман, подлог, воровство и... даже убийство.

Именно на этом всеобщем помешательстве пытается провернуть хитроумную аферу талантливый, но бедный художник Ян ван Лоо, безумно влюбленный в Софию – молодую красивую жену богатого старого купца.

Однако очень скоро события принимают опасный оборот...

Дебора Моггак

Тюльпанная лихорадка

Роман

Deborah Moggach

Tulip fever

© Deborah Moggach, 1999

© Перевод. В. Н. Соколов, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

И вновь – для Гсабы

Эти люди степенно и спокойно живут на поверхности вещей, а внизу непрерывно движутся их тени... Я бы не удивился, если бы амстердамские каналы до сих пор отражали силуэты жителей прошлого – мужчин в широких камзолах и женщин в белых чепцах. Кажется, что город стоит не на земле, а на собственном отражении, и все эти чинные и солидные улочки возникли из бездонных глубин фантазий и снов...

Карел Чапек. Письма из Голландии, 1933 г.

Разумеется, я хорошо знаком с миром уродства и нищеты, но изображаю лишь нежную кожу, блестящую поверхность и видимость вещей: знатных женщин в шелках и благородных мужчин, облаченных в безупречно черные одежды. Я восхищен тем, как яростно они сражаются за то, чтобы просуществовать хотя бы чуть дольше, чем им предназначено судьбой. Они защищаются с помощью модных вещей, всевозможных аксессуаров и безделушек, кружевных манжет и гофрированных воротничков... В общем, любой мелочи, которая позволяет им протянуть еще немного перед тем, как полностью исчезнуть в темноте.

3. Герберт. Натюрморт с удилами

Наша задача заключается не в решении загадок, а в том, чтобы видеть их, склонять перед ними голову и готовить свое зрение к восприятию безграничной радости и чуда. Если вам непременно нужны новшества, могу с гордостью заявить, что я достиг успехов в сочетании яркого и сочного кобальта с насыщенным лимонно-желтым и, кроме того, в схватывании отблесков южного света, падающего на серую стену сквозь толстое стекло... Позвольте нам следовать этой архаичной процедуре, чтобы даровать миру утешение и поведать о радости обретенной гармонии и вечной жажде неисчерпаемой любви.

Из письма Яна Вермеера

Видимость не заслуживает доверия.

Якоб Катс. Моральные символы, 1632 г.

Мы с мужем ужинаем за столом. В его бороде застрял зеленый лук. Когда он жует, тонкое перышко поднимается вверх, словно насекомое, застрявшее в траве. Смотрю на это равнодушно: ведь я всего лишь девушка и живу настоящим днем. Я еще не умерла и не воскресла. И не умерла вторично – потому что в глазах общества это будет выглядеть как вторая смерть. В моем конце – мое начало; угорь сворачивается в кольцо и кусает собственный хвост. В моем начале я всегда свежа и юна, а мой муж – старик. Мы поднимаем высокие бокалы и пьем вино. Гравировка на моем бокале нравоучительно гласит: «Людские надежды хрупки как стекло, а жизнь проходит слишком быстро» – и жидкость под ней стремительно убывает.

Корнелис отламывает кусок хлеба, макает его в суп и задумчиво жует.

– Дорогая, я хочу обсудить с тобой один вопрос. – Он вытирает губы салфеткой. – Кто из нас, живя этой скоротечной жизнью, не жаждет обрести бессмертия?

Я сразу понимаю, к чему он клонит. Рассматриваю длинный хлеб, вытянувшийся передо мной на скатерти. В его запекшейся корочке зияет трещина, похожая на полуоткрытый рот. Мы женаты уже три года, но у нас до сих пор нет ребенка. Не потому, что мы мало стараемся. Мой муж, по крайней мере в этом смысле, полон сил. Каждую ночь он взгромождается на меня сверху, раздвигает мне ноги, и я лежу под ним, словно раздавленный жук. Он страстно хочет получить сына и наследника, который будет ходить по этим мраморным полам и обеспечит будущее нашему прекрасному дому на Геренграхт.

Но пока у меня ничего не получается. Разумеется, я отвечаю на его обьятия, как послушная жена, полная почтения и благодарности. Этот мир ненадежен и опасен, а он вытащил меня из его трясины, как мы вырвали нашу страну у моря, осушив землю и перегородив ее плотинами, чтобы она не ушла на дно. За это я его люблю.

– Вот почему я решил прибегнуть к услугам портретиста. Его зовут Ян ван Лоо, он один из самых перспективных художников в Амстердаме: натюрморты, пейзажи, но главным образом портреты. Мне его порекомендовал Хендрик Юленбург, ты его знаешь – он разбирается в таких делах. Рембрандт ван Рейн, недавно прибывший из Лейдена, один из его протеже.

Муж любит просвещать меня. Он часто говорит много ненужного, но сегодня его слова не пролетают мимо моих ушей.

Художник нарисует наш портрет!

– Ему тридцать шесть лет, он ровесник века. – Корнелис допивает бокал и наполняет снова. Его уже пьянит мысль о наших лицах, увековеченных на холсте. От пива его обычно клонит в сон, а вино превращает в патриота. – Представь нас среди этого великолепного города, в величайшей стране мира. – Перед ним сижу только я, но он словно обращается к широкой публике. Щеки горят над его пожелтелой бородой. – Помнишь, как писал об Амстердаме Вондел? «В какие воды не бросал он якоря? И на каких берегах не водрузил свой флаг? Все видел он, что зримо под луной, морям и землям волю диктовал».

Ответа от меня не требуется: я всего лишь молодая жена, которая мало смыслит в мире за пределами этих стен. Ключи на моем поясе могут отпереть разве что наш бельевого сундук, и все мои открытия еще впереди. По правде говоря, меня больше волнует то, какое платье я надену для своего портрета. Таков мой нынешний кругозор. Забудьте про моря и земли.

Мария приносит блюдо с сельдью и удаляется, посапывая. С залива ползет густой туман, и она постоянно кашляет. Впрочем, на ее настроении это никак не сказывается. Уверена, что у Марии есть любовник: она часто поет в кухне, а однажды я заметила, как она прихорашивается перед зеркалом, поправляя волосы под чепцом. Скоро я все выясню. Мария моя наперсница – настолько, насколько позволяют обстоятельства. С тех пор как я рассталась со своими сестрами, больше у меня никого нет.

Художник приедет на следующей неделе. Мой муж – знаток живописи, поэтому наш дом полон картин. Прямо за его спиной на стене висит полотно «Сюзанна и старцы». Группа стариков разглядывает голую купальщицу. При дневном свете мне видны их жадные лица, но сейчас, при свечах, они в тени: я вижу лишь пухлое женское тело над головой мужа. Он перекладывает кусок рыбы на свою тарелку. Ему нравятся красивые вещи.

Я уже представляю нас на картине. Корнелис сидит в белом кружевном воротнике на черном фоне, его борода покачивается при каждом движении жующих челюстей. Передо мной на тарелке, поблескивая, лежит селедка, и ее кожа с содранными чешуйками обнажает нежную плоть; сухая корочка на хлебе раскрыла губы. На блюде темнеет гроздь винограда, тяжелая и почти прозрачная в свете канделябров; рядом лоснится бок медного кувшина.

Я вижу, как мы неподвижно сидим за обеденным столом: наш застывший миг перед той минутой, когда все изменится.

После ужина муж читает мне Библию. «Всякая плоть – трава, и вся красота ее – как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на него дуновение Господа: так и народ – трава».

Но я уже как бы нахожусь на картине и смотрю на нас из золоченой рамы со стены.

2. Мария

Она должна пристально следить за поведением своих слуг: как они выглядят и разговаривают, как общаются друг с другом, как переглядываются и пересмеиваются, какие отношения завязываются между прислугой мужеского и женского пола, – ибо пренебрежение подобным и приводит к тому, что в их доме поселяется легкомыслие и даже прямое распутство. А это доставляет чрезвычайный стыд хозяйке.

Дж. Дод и Р. Кливер. Божественная форма домашнего правления, 1612 г.

Служанка Мария, хмельная от любви, надраивала медную сковородку. Ее распирало от плотского желания; движения были медленными и неуклюжими, словно под водой. Она улыбалась своему искаженному отражению в блестящем диске. Это была сильная и здоровая деревенская девушка с хорошим аппетитом. Такой же крепкой и здоровой была и ее совесть. Пуская Виллема в свою постель – ту, что стояла в глубокой нише за домашним очагом, – она стыдливо задергивала занавеску, чтобы скрыться от Божьего гнева. С глаз долой – из сердца вон. В конце концов, они с Виллемом собирались пожениться.

Мария мечтала о семейной жизни. Допустим, хозяин с хозяйкой умерли – утонули в море, – а она и Виллем живут в доме с шестью милыми детишками. Она моет посуду, ожидая возвращения мужа. Когда хозяйка уходила, она закрывала нижнюю часть оконных ставень, чтобы ее не могли увидеть с улицы. Парадные залы погружались в тень, и Мария бродила по ним словно по дну моря. Надевала синий бархатный жакет хозяйки, отороченный меховыми манжетами и воротником, и гуляла по дому, как бы невзначай поглядывая на себя в зеркало. Каждый имеет право помечтать – что в этом дурного?

Мария стояла на коленях посреди гостиной и натирала бело-голубые плитки возле плинтусов. На каждой плитке изображалась какая-нибудь детская игра: то с обручем, то с мячиком. Больше всего ей нравился малыш на игрушечной лошадке. Всю комнату обрамляли изображения ее детей. Она осторожно протирала их мягкой тряпочкой.

С улицы доносились звуки – шаги прохожих, голоса. Мария выросла в деревне, и ее до сих пор удивляла шумная суeta Геренграхта, где в укромный мир домашнего уюта всегда вторгался уличный гомон. Громко кричал продавец цветов – тонким писклявым голоском, точно чибис. Парень из лудильной мастерской громыхал инструментом, предлагая отремонтировать посуду, словно проповедник, призывающий грешников к покаянию. Какой-то мужчина, проходя рядом, отхаркнулся и сплюнул.

А потом она услышала его колокольчик. «Рыба, свежая рыба!» Виллем немилосердно фальшивил: голос у него был ужасный. «Вобла, лещ, треска, селедка!» Он снова позвонил в колокольчик. Она встрепенулась, словно пастушка, заслышав рожок своего милого в бредущем по дороге стаде.

Мария вскочила, вытерла нос передником, оправила юбки и настежь распахнула дверь. На улице туман – канала почти не видно за брусчаткой. Из утренней мглы вырос Виллем.

– Привет, красотка! – Его лицо расплылось в улыбке.

– Что там у тебя сегодня? – спросила Мария. – Дай-ка посмотреть.

– А чего ты хочешь, малышка?

Он вскинул к бедру свою корзину.

– Как насчет толстого сочного угля?

– Он тебе нравится?

– Ты отлично знаешь, как он мне нравится, – усмехнулась служанка.

– Тушеный с персиками в сладком уксусе?

– Да.

Мария вздохнула. В конце улицы с баржи сгружали тяжелые бочки. Они с грохотом падали на землю.

– Как насчет селедки? – спросил Виллем. – Как насчет поцелуя?

Он переступил через порог и оказался рядом. Бух-бух.

– Эй, потише!

Мария отступила. Мимо проходили люди. Виллем опустил голову. Он был простой парень – долговязый, хмурый, с узким лицом, над такими часто любят потешаться. Марии нравилось, когда его лицо озаряла улыбка. Милый, простодушный паренек, рядом с которым она чувствовала себя воплощением житейской мудрости. Это она-то! Вот до чего он был наивен.

Виллем до сих пор не мог поверить, что Мария любит его.

– Я заходил вчера. Почему ты не открыла дверь?

– Один зеленщик показывал мне свою морковь.

– Издеваешься?

– Я была на рынке. – Она улыбнулась. – Дурачок, я люблю только тебя. Знаешь – я как устрица в своей ракушке. И лишь ты можешь меня открыть.

Мария шагнула назад ипустила Виллема в дом. Он опустил корзину на пол и обнял Марию.

– Ох! Твои пальцы!

Она провела его через прихожую и коридор к лесенке, спускавшейся в кухню. Когда они уперлись в раковину, Виллем ущипнул ее за зад. Мария дернула рычаг. Вода из крана хлынула на его протянутые руки. Виллем стоял смирный и послушный, как ребенок. Она вытерла его пальцы и понюхала, не пахнут ли рыбой. Виллем прижался к ней всем телом, потом раздвинул коленом ее ноги – она чуть не застонала – и поцеловал.

– У нас мало времени, – прошептала Мария. – Хозяйка дома.

Она увлекла его за собой, на кровать в глубокой нише. Они споткнулись о деревянный порожек и, смеясь, повалились на матрац. Как же здесь было тепло – самая теплая кровать на свете! Когда они займут весь дом, то все равно будут спать только тут – в их уютном гнездышке, в сердцевине ее мира.

Виллем шептал ей на ухо нежные слова. Мария щекотала его. Он вскрикнул. Она на него шикнула. Затем взяла его руку и положила себе между ног: нет времени на пустяки. Оба елозили и хихикали, точно дети: они выросли в деревне и привыкли спать вповалку вместе с братьями и сестрами.

Далеко у входной двери послышался глухой стук. Мария мгновенно выпрямилась, оттолкнула Виллема и выскочила из постели. Через минуту, красная и запыхавшаяся, отворила дверь. В проеме стоял мужчина. Невысокий, смуглый, голубоглазый, с темными вьющимися волосами, в бархатном берете.

— Мне назначена аудиенция, — сказал он. — Я пришел писать портрет.

3. София

Спелые груши сами падают в руки.

Якоб Катс. Моральные символы, 1632 г.

– Моя рука должна быть здесь, у бедра?

Корнелис вполоборота повернулся к живописцу. Грудь выпячена вперед, вторая рука сжимает трость. На нем парчовый кафтан и черная шляпа. Он тщательно причесал бороду и навошил усы, заострив их на концах. Сегодня его костюм украшают брыжи – огромный белоснежный воротник, который странно отделяет его голову от тела, словно ее положили на блюдо. Муж старается скрыть волнение.

– Знаете поговорку: гони природу в дверь, она влезет в окно? Хотя мы и выбелили стены наших храмов, удалив изображения святых... – Он склоняет голову в мою сторону. – Я должен извиниться перед моей женой, поскольку она католичка... Так вот, наша реформаторская церковь перестала покровительствовать живописи, однако талант художников не мог остаться невостребованным и не проявить себя в другом. Мы стали их бенефициарами, ведь они запечатлевают нашу повседневность с величайшей живостью и точностью в деталях, а она, не преступая пределов благочестия, все же близится к границам совершенства.

Художник поймал мой взгляд. Он с улыбкой поднял брови. Какая дерзость! Я опустила голову.

– Мадам, прошу вас, не двигайте головой, – буркнул художник.

Мы находимся в библиотеке мужа. Занавеска отдернута, в комнату струится солнечный свет. Яркие лучи сияют на кабинете редкостей: статуэтки, кучка окаменелостей, раковина наутилуса в серебряной оправе. Стол, застеленный турецким ковром, украшают медные весы, глобус и человеческий череп. Глобус символизирует ремесло моего мужа – он торговец. У него свои склады в гавани, он возит зерно с Балтики и пряности с Востока. Его корабли, груженные тканями, плавают в такие страны, которые не помещаются в мой скромный кругозор. Муж с гордостью демонстрирует свое богатство, но в то же время, как и положено доброму кальвинисту, презирует преходящую красоту земных даров: отсюда череп и весы, на которых в Судный день будут взвешены наши грехи. «Суета сует, и всяческая суета». Муж хотел даже положить свою ладонь на череп, но художник отговорил его.

Корнелис говорит без умолку. Краем глаза вижу, как его борода ходит на воротнике вверх и вниз, словно меховой зверек. Я мечтаю, чтобы он замолчал.

– Разумеется, я доволен тем, что, благодаря своим усилиям, достиг столь высокого положения. – Он прочистил горло. – Но еще больше счастлив тем, что обладаю удивительным сокровищем, рядом с которым меркнет сияние алмазов: я имею в виду мою дражайшую Софию. Поистине, величайшая радость человека – собственный дом, когда, вернувшись после долгого дня трудов, он закрывает дверь и обретает успокоение и уют перед пылающим камином, наслаждаясь ласковым участием своей супруги.

Подавленный смешок. Художник развеселился. Он посматривает на меня из-за своего мольберта. Я чувствую на себе его взгляд, хотя сама упорно смотрю в стену. Я его ненавижу.

– На сегодняшний день моя единственная печаль – то, что мы не слышим топота детских

ножек в нашем доме, однако я надеюсь, что скоро это будет исправлено. – Мой муж смеется. – Пусть вянет лист, но плоть цветет весной.

О нет! Как он мог это сказать? Художник вытаращил на меня глаза. Его губы раздвинулись в усмешке. Он буквально раздевает меня взглядом. Мое платье исчезает, я стою перед ним голой.

Мне хочется умереть. Господи, зачем мы это делаем? И как Корнелис мог такое сказать? Я знаю, он взволнован тем, что его рисуют, но для чего выставять нас дураками?

Художник смотрит на меня из-за мольберта. Его синие глаза вонзаются мне прямо в душу. Это невысокий жилистый мужчина с буйной копной черных волос. Он склонил голову набок. Я холодно отвечаю на его взгляд. И вдруг понимаю – он смотрит не на меня. Оценивает композицию будущей картины. Вытирая о тряпку кисти, хмурит брови. Я для него лишь объект: каштановые волосы, белый кружевной воротник, голубое платье из переливчатого шелка.

Это меня раздражает. Я что, баранья голова? Мое сердце колотится, голова кружится, мне не по себе. Да что со мной такое?

– Сколько времени это займет? – спрашиваю я ледяным тоном.

– Уже устали? – Художник подходит ко мне и протягивает платок. – Вам нехорошо?

– Со мной все в порядке.

– Вы все утро шмыгали носом.

– Легкая простуда. Подхватила ее от своей служанки.

Мне не нужен его платок. Я вытаскиваю свой и промокаю нос. Художник подходит ближе, я чувствую запах краски и табака.

– Вы не очень счастливы, верно? – спрашивает он.

– Что вы имеете в виду?

– Вы не очень счастливы... что вам приходится позировать. – Он пододвигает стул. – Сядьте сюда, пожалуйста. Если поставить рядом это... и вот это...

Художник двигает стол. Он быстро ходит по комнате, переставляя мебель. Ставит сбоку глобус и, отступив, разглядывает его. Лицо сосредоточено. Кожаный камзол испачкан краской. А потом садится передо мной на корточки. Приподнимает край моего платья и обнажает туфельку с острым мыском. Стянув с головы берет, художник почесывает в затылке. Я вижу сверху его кудрявые волосы. Балансируя на каблуках, он смотрит на мою ногу и вдруг перемещает вправо, ставит на подставку и опять расправляет полы юбки.

– Такая женщина заслуживает счастья, – бормочет он.

Художник возвращается за свой мольберт. Говорит, что проведет три сеанса, а потом закончит картину в студии. Мой муж снова начинает разговор, рассказывая о своем знакомом, друге бургомистра, потерявшем целое состояние после того, как его корабль потопили испанцы. Голос Корнелиса эхом отдается в дальних комнатах. Я сижу рядом. Моя грудь упирается в полотно рубашки, бедра горят под нижней юбкой. Я чувствую свое горло, мочки ушей, пульсирующую кровь. Тело дрожит, но только из-за того, что я простужена. Вот почему мне нехорошо, вот почему я кажусь себе тяжелой и в то же время легкой как перышко.

Художник работает. Его взгляд скользит по мольберту. Когда водит по холсту кистью, мне кажется, будто она щекочет мне кожу.

Я лежу в кровати со своими сестрами. Я крепко зажмурилась, потому что он сидит рядом и смотрит на меня. Его красный язык высунут между зубов. Если я открою глаза, волк

будет прямо здесь, передо мной, сидя на корточках у моей кровати. У меня сжимается сердце. Я бормочу молитвы... «Богородице Дево, радуйся...» Его жаркое влажное дыхание обжигает мое лицо. Я сжимаю ладонями свои маленькие груди. Бормочу все быстрее и быстрее, втайне желая, чтобы он приблизился.

4. Мария

*Мой долг зовет к трудам, но зов любви сильнее:
Забыты все дела, нет сил сопротивляться.
Любовь лишь в мыслях, мысли лишь в любви;
Сражаюсь сам с собой, но, с волей не в ладах,
Сам отдаю себя любви жестокой власти.*

Д. Х. Крул, 1644 г.

– Я его люблю. Когда он меня трогает, меня колотит. Да что там, от одного его взгляда все внутри переворачивается! – Мария прислонилась к бельевому шкафу, прикрыв глаза. – Я готова кричать от счастья. О, мадам, клянусь вам, я буду любить его всю жизнь и у нас родятся шестеро детей. Знаете, почему? Сегодня я ела яблоко и думала о нем, а когда сплюнула зернышки, их оказалось ровно шесть.

Мария прижала к груди стопку белья. Она не хотела говорить, но признание вырвалось само собой. Кому она могла довериться, кроме своей хозяйки? В Амстердаме Мария знала только нескольких торговцев да своего милого – кроткого, нежного, смешного Виллема с его пропахшими рыбой пальцами.

– Я люблю его больше жизни.

София молча забрала у нее белье и положила в шкаф. Кот умильно терся о ногу Софии. Не дождавшись никакой реакции, он перебрался к ноге Марии. Потом снова вернулся к хозяйке, но женщины были слишком заняты своими мыслями, чтобы обращать внимание на кота.

Обе одновременно чихнули. Мария рассмеялась, но София сохранила рассеянный вид. Служанку это задело: она ждала, что хозяйка набросится на нее с нетерпеливыми расспросами. «Кто он? Когда ты с ним познакомилась? У него честные намерения?»

За окнами угасал день. София прислонилась к шкафу. Она напоминала куклу, которую посадили к дверце. На ней было то же шелковое голубое платье, в котором она позировала для портрета, только теперь на шее висел золотой крест. Хозяйка выглядела очень бледной: наверное, ей действительно было нехорошо, хотя она отказалась лечь в постель. Мария находила ее красивой и к тому же очень утонченной. Рядом с ней служанка казалась себе раскоряченной коровой. А сегодня хозяйка напоминала ей хрупкую фарфоровую статуэтку, которая может легко разбиться.

Мария никогда не отличалась любопытством, а счастье сделало ее и вовсе безразличной к другим. О своей хозяйке она ничего не знала, кроме того, что они были одного возраста – двадцать четыре года, – и отец Софии, печатник из Утрехта, рано умер, оставив семье огромные долги. Вот почему она вышла замуж за богатого купца. Мария считала Корнелиса скучным стариком, но была разумной и практичной. Человеку нужно выживать, а за это всегда приходится платить. Голландцы – нация торговцев, самая преуспевающая в мире, а ее хозяева просто заключили взаимовыгодную сделку. Молодость в обмен на богатство; плодовитость в перспективе за спокойную сытую жизнь. Мария считала, что это честный договор. В конце концов, несмотря на свою мечтательность и суеверность, в глубине души

она оставалась простой крестьянкой, и ее ноги крепко стояли на земле.

И все же она была недовольна. Открыла хозяйке свое сердце, а что в ответ? Молчание. Служанка взяла охапку свежего белья и двинулась в спальню. София последовала за ней, чтобы помочь застелить постель: они часто работали вместе. На дубовом сундуке горело три свечи. Мария бросила белье на кровать и задула одну свечку.

– Зачем ты это сделала? – спросила София.

Мария пожала плечами:

– Три свечи – плохая примета.

– Какая примета?

– К смерти, – тихо ответила служанка. – Разве вы не знали?

5. Корнелис

О позах у девушек и женщин. Девушки и женщины не должны высоко поднимать ноги или широко их раздвигать: это свидетельствует о дерзости и бесстыдстве, в то время как сомкнутые ноги показывают их страх перед бесчестьем.

Леонардо да Винчи. Записные книжки

– Опять рыба? – Корнелис посмотрел на тарелку. – Мы всю неделю едим рыбу. На прошлой неделе, если не ошибаюсь, было то же самое. Боюсь, скоро у нас вырастут плавники. – Он рассмеялся. – Когда-то наша земля покоилась на дне моря – хочешь, чтобы мы вернулись в родную стихию?

– Господин, – возразила служанка, – я думала, вы любите рыбу. Это ваш любимый лебедь. – Она кивнула на Софию. – Хозяйка приготовила его с черносливом, как вам нравится.

Он повернулся к жене:

– А как насчет куска свинины? Любовь моя, сходи завтра к мяснику, пока мы еще не покрылись чешуей, как водные жители.

Мария фыркнула – не то от смеха, не то из презрения – и вернулась в кухню. Наглость! С тех пор как ушел Карел, их лакей, прислуга совсем отбилась от рук. Надо поговорить об этом с женой.

София ничего не ела. Разглядывая свой бокал, она произнесла:

– Я не хочу, чтобы этот художник появлялся в нашем доме.

– Что?

– Не хочу, чтобы он приходил. И рисовал наш портрет.

Он уставился на нее:

– Но почему?

– Это опасно, – ответила София.

– Опасно?

– Мы просто... потакаем своему тщеславию.

– А чему потакаешь ты, любовь моя, когда к тебе приходит портниха?

– Это совсем другое дело...

– Сколько часов ты тратишь на примерки, вертясь перед зеркалом? – Корнелис перегнулся через стол и погладил жену по руке. – И я этому очень рад, дорогая, потому что твоя красота заставляет сильнее биться мое старое сердечко. Вот почему я хочу запечатлеть ее на полотне.

София теребила бахрому на скатерти.

– Но это очень дорого. Восемьдесят флоринов...

– Разве я не могу тратить деньги так, как хочу?

– Восемьдесят флоринов – многомесячный заработок какого-нибудь плотника. – Она задумалась. – Или моряка.

– С каких пор тебя волнуют такие вещи?

– Художник мне не нравится, – помолчав, произнесла София.

– По-моему, он приятный человек.

Она подняла голову, ее лицо покраснело.

– Нет, он мне не нравится – у него наглый вид.

– Что ж, если он тебе действительно не по вкусу, я расплачусь с ним и найму другого. – Корнелису хотелось сделать жене приятное. – Есть Николас Элиаз или Томас Кайзер. Правда, у них много заказов, так что придется немного подождать. Мы можем обратиться даже к Рембрандту ван Рейну, но он заламывает такие цены, что их с трудом потянет даже мой кошелек.

Корнелис с облегчением принялся за еду. Значит, вот в чем дело. Женщины – странные существа со множеством причуд. Они устроены сложнее мужчин. Как коробочки с секретом: здесь надо что-то нажать, там повернуть, и только тогда поймешь, чего они хотят.

Корнелис обожал свою жену. Порой, когда он видел ее при свечах, у него перехватывало дыхание от ее красоты. Она была его светом, радостью, опорой. Корнелис считал жену чудом, потому что она вернула его к жизни в тот момент, когда он уже потерял надежду. Спасла его так же, как он спас ее, хотя в другом смысле.

Корнелис подбросил в камин дров, сел в кресло и закурил трубку. «Величайшая радость для человека – счастливый дом, где его ждет любящая супруга». Правда, Софии сейчас рядом нет. Ее шаги негромко скрипят наверху. Потом все стихает. После ужина она пожаловалась, что у нее болит голова, и сразу ушла. Обычно сидит рядом с ним и шьет; иногда они играют в карты. Но сегодня София весь день какая-то нервная и пугливая, словно жеребец перед грозой. И странная выходка насчет художника для нее совсем нехарактерна.

Корнелис беспокоился, не заболела ли она: у нее такой бледный вид. Может, она скучает по своей семье? Здесь, в Амстердаме, у Софии почти нет друзей, а жены его приятелей гораздо старше ее. Она совсем не выходит из дома, не радуется жизни. Когда они обручились, София была веселой девушкой, но в последнее время ее характер изменился. Наверное, все дело в ответственности, какую налагает на нее забота о доме, – пожалуй, им следует нанять еще одну служанку. Вероятно, жена чувствует себя запертой в клетке, как тот щегол, которого он держал у себя, когда был маленьким.

Корнелис выбил трубку и встал с кресла. У него болели все суставы, особенно спина. Зима была долгой. Он чувствовал, как на него давит уличный туман и тяжесть города опускается на плечи, точно крышка чугунного котла. Да, он постарел.

Корнелис запер дверь и потушил все свечи, кроме одной, которую взял с собой наверх. Дом пропах жареной рыбой. Вчера на берег возле Бервийка выбросился кит. Огромный, раньше таких не видели. Местные жители пришли в смятение: дурное предзнаменование, знак грядущих бедствий. Море извергло из себя чудовище, чтобы наказать людей за грехи.

Корнелис понимал, что это всего лишь суеверие. Знал это по опыту. Катастрофы обычно обходятся без знамений, они происходят неожиданно. Ни одно зеркало в их доме перед тем, как умерла его первая жена Хендрике, которой было всего сорок, не разбилось. И никакие созвездия не предрекли им того, что оба их ребенка умрут во младенчестве.

Корнелис уже потерял одну семью. И подобно всем пережившим большое горе знал, что жизнь лишена смысла. Те, кто осиротел, чувствуют это сердцем, хотя и убеждают других, будто на все воля Божья. Он продолжал соблюдать религиозные обряды. Каждый вечер читал Софии Библию, и они оба склоняли головы в молитве. По воскресеньям Корнелис ходил в церковь, а жена посещала свою тайную мессу: ее вера позволялась лишь при условии, что церковные службы будут проводиться тайно. Однако Корнелис сознавал, что все эти правильные речи произносят только его губы. В то время как сомнения, какие он испытывал,

оставались без слов. Корнелис едва решался высказать их самому себе. Потери не укрепили, а ослабили его веру, и единственная надежная вещь, за которую он мог уцепиться, лежит сейчас в его пуховой постели.

Корнелис вошел в спальню. София преклонила колени у распятия. Это его удивило: он думал, что она уже легла. Наверное, молилась уже давно. Увидев его, жена вздрогнула. Перекрестившись, она забралась на кровать и легла, уставившись в потолок. С балки свисал ее бумажный свадебный венок, обросший пылью и похожий теперь на осиное гнездо.

София заворочалась и вздохнула. От нее веяло ароматом юности. Прилив желания согрел его старые кости, оживил холодную кровь. Корнелис разделся, опорожнил свой мочевого пузырь в горшок и надел ночную рубашку. Эта кровать была его ковчегом; каждую ночь крепкие молодые руки не давали ему уйти на дно.

София лежала, свернувшись в клубок и зарывшись головой в подушки. Она притворялась, будто спит. Корнелис погасил свечу и залез в постель. Задрав сорочку, он положил руку на маленькую грудь жены. Помассировал ее сосок.

– Милая супруга, – прошептал Корнелис и потянул ее руку к своему сморщенному члену. – Мой маленький солдат сегодня сонный. Настало время исполнить свой долг.

София сжала пальцы в кулак. Он заставил жену развернуться и прижал ее ладонь к своему телу, водя ею вверх и вниз. «Боевая тревога...» Его член напрягся; дыхание стало хриплым. «Стоять смирно!» Шутка, которой они часто обменивались с женой. Раздвинув ей ноги, Корнелис принял нужную позу. Когда он в нее вошел, она слегка вздрогнула. Зарывшись лицом в ее волосы, он тискал ее ягодицы и все крепче прижимал к себе под ритмичный скрип кровати. С каждым новым движением его дыхание учащалось.

Прошло несколько минут. По мере того как Корнелис старел, ему все труднее удавалось извергать семя. Работая бедрами, он вспомнил эпизод из прошлого. В детстве Корнелис жил в Антверпене, и Гретье, их служанка, приходила к нему пожелать спокойной ночи. Однажды она вдруг задрала юбку и положила его руку себе между ног. Он почувствовал колючие волосы и мокрые губы. Она двигала его пальцами; ее губы разъезжались в стороны, как шлепки сырого мяса. Потом его палец уперся во что-то плотное, вроде маленького шарика, спрятанного в укромных складках ее плоти. Гретье заставила его тереть это место, вверх и вниз, все сильнее и сильнее... и вдруг бедра ее сомкнулись, зажав его ладонь. Служанка застонала. Вскоре она освободила его руку, рассмеялась, шлепнула по щеке и ушла.

Тогда его это напугало. Буквально привело в ужас. Он чувствовал стыд и тошноту. Ему было всего десять. От его мокрых пальцев пахло рассолом и гнилыми дынями. Потом это воспоминание застряло у него где-то внутри. Корнелис ужасался своей порочности, и в то же время она его возбуждала. «Вот-вот... сейчас... залп из всех орудий!» – прошептал Корнелис и вдруг изверг в нее семя. В последнем спазме он отчаянно сжал ее тело; его худые ляжки задрожали. Затем обмяк, полностью опустошенный, и его старое сердце бешено забилося под ребрами. «Слава Господу», – выдохнул он.

София лежала под ним не шевелясь. Похоже, она что-то говорила. Он слышал ее голос, но не понимал слов: сердце очень громко стучало в ушах.

– Что ты сказала, любовь моя?

– Я передумала. – София отвернулась от него и спрятала лицо в подушку. – Насчет того, что говорила за ужином... Мне не нужен другой художник. – Она помолчала. – Пусть он придет опять.

6. Мария

Сладостны украденные воды и приятен хлеб, съеденный тайком.

Якоб Катс. Моральные символы, 1632 г.

Комнатой ниже на своей кровати спала Мария. На полу стояли ее туфли, перевернутые вверх подошвами, — для защиты от ведьм. Снаружи, от воды в канале, веяло холодком. Туман рассеялся. Луна выбралась из облаков и сияла на крышах зданий, выстроившихся вдоль Геренграхта. Это были богатые дома, построенные на мощных фундаментах; их кирпичные кровли, увенчанные щипцами, поднимались высоко в небо. В слепых окнах блестел лунный свет. Между домами лежала полоса канала. По его воде пробегала легкая рябь; она морщилась, как атлас. Вдалеке залаяла собака, ей ответила другая, третья — словно телеграф, передавший новость о разразившейся войне, про которую знали одни лишь собаки.

По улице прошел ночной сторож. Он протрубил в рожок, объявляя время, но Мария мирно храпела в своей постели. Ей снилось, будто все комнаты наполнились водой и хозяин с хозяйкой уплывают на задернутых балдахинами кроватях. Море поднималось все выше, поглощая город, но она была уже рыбкой и быстро носилась по затопленному дому. Смотрите, я могу дышать! Она свободна, потому что все остальные утонули — все, кроме ее детей. Они легкой стайкой мчатся вслед за ней. Снуют там и здесь, проплывая по черным и белым клеткам мраморного пола.

Мария улыбается, чувствуя себя хозяйкой в подводном царстве. Другим пришлось умереть, чтобы она смогла жить, — и в мире сна это казалось ей вполне естественным.

7. Корнелис

Если поэт хвалится тем, что способен разжечь в человеке любовь, которая является главной целью всех живых существ, то художник может сделать то же самое, и даже еще в большей степени, поскольку в его власти представить перед любящими сам объект любви, придав ему такое сходство, что они начинают целовать его и вести с ним беседы.

Леонардо да Винчи. Записные книжки

Следующий сеанс состоялся через две недели. Корнелис был очень занят и редко находился в доме. Он управлял складами в гавани. В полдень, как только открывалась Биржа, отправлялся на торги. Амстердам буквально кишел деньгами, поэтому деловая жизнь протекала здесь бурно, даже лихорадочно, тем более что Биржа закрывалась уже к двум часам. Кроме того, как состоятельный бюргер и почетный гражданин Корнелис выполнял кое-какие общественные обязанности. В 1636 году город переживал настоящий бум. Правда, правительство находилось в Гааге, но истинной столицей республики являлся Амстердам. Торговля была ключом, искусства цвели пышным цветом. По улицам расхаживали модно одетые прохожие, и вода каналов отражала их красивые и богатые дома. Город словно наполняли тысячи зеркал. В них блестело холодное утреннее солнце. Красноватые облака неподвижно висели над мостами. Казалось, будто город вглядывается в воду, как женщина, рассматривающая себя в зеркале. Впрочем, как можно упрекнуть в тщеславии того, кто так красив?

А в домах, в тысячах комнат, висели картины: маленькие зеркала, отражавшие жизнь их обитателей. Женщина играла на клавесине, скосив глаза на стоявшего рядом мужчину. Красивый молодой солдат подносил к губам бокал, и его фигура преломлялась в блестящем на столе графине. Служанка передавала письмо хозяйке... Мгновения, застывшие во времени, словно в густом желе. Люди еще не одно столетие будут разглядывать эти полотна и гадать, что произойдет дальше. Например, что прочитает в письме эта женщина, стоящая у окна с залитым солнцем лицом? Может, она влюблена? Отбросит ли она письмо или, наоборот, выполнит содержащиеся в нем указания? Подождет, пока дом опустеет, и поспешит в глубину анфилады, на задний план картины, купающийся в солнечных лучах?

Кто знает? Ее лицо спокойно, а любовные тайны надежно заключены в сердце. Она просто стоит, запертая внутри толстой рамы, застыв на пороге какого-то важного события. Ей еще предстоит принять решение.

София стояла у окна. Она не видела, как подошел Корнелис. Окно находилось посередине лестницы. Его украшал витраж в янтарных и винно-красных тонах. В центре рисунка сидела пестрая птичка, запутавшаяся в стеклянной зелени. Поэтому она не могла разглядеть, что находится снаружи. В окно било солнце, бросая на ее лицо разноцветные зайчики. София просто стояла у окна, тихо и спокойно.

Корнелис подумал, что она сама и есть живая картина — вот здесь, сейчас, пока художник не успел запечатлеть ее на полотне. И вдруг его охватило странное чувство. Жена будто исчезла, ее душа ускользнула, и перед ним осталась лишь оболочка в ярко-синем

платье.

– Любовь моя... – начал он.

София резко вздрогнула и обернулась.

– Разве ты не слышала стук в дверь? Пришел господин ван Лоо, он ждет нас внизу.

Ее рука взметнулась к волосам.

– Он здесь?

Корнелис поставил на стол вазу с тюльпанами. Он попросил включить ее в портрет: тюльпаны были его страстью.

– Я выложил за них кругленькую сумму, – сообщил Корнелис. – Это tulipa clusiana, оранжерейный сорт. Вот почему они цветут так рано. Их продает португальский еврей, Франческо Гомес да Коста. – Белые лепестки слегка розовели по краям. – Неудивительно, что поэт сравнил их со стыдливым румянцем на щеках Сюзанны, не правда ли? – Он прочистил горло. – Разве они не напоминают нам о том, что земная красота мимолетна и то, что сегодня полно очарования, завтра обратится в прах?

– Вот почему надо пользоваться ей, пока можно, – заметил художник.

Возникла пауза. София шевельнулась в своем кресле.

– Вряд ли это можно назвать тем, чему нас учит Библия. – Корнелис снова прочистил горло. Живописцев всегда считали безбожниками, для них нет ничего святого. – К тому же я уже обрел свой рай на земле.

Корнелиса охватило нежное чувство к супруге. Он наклонился и тронул ее за щеку.

– Не двигайтесь! – громко воскликнул портретист. – Примите прежнюю позу, пожалуйста.

Корнелис охнул и поспешно вернул руку на бедро. Порой он увлекался своими мыслями и совсем забывал, что с него пишут портрет. Но это трудная работа, что ни говори. Приходилось стоять прямо, у него уже начала болеть спина.

Ян ван Лоо бесшумно водил кистью по холсту. Из соседней комнаты доносился звук швабры – Мария мыла пол.

– Вас не удивляет, как быстро все предались этому безумию? – спросил Корнелис.

– Какому? – отозвался художник.

– Вы сами еще не пали жертвой этой страсти?

Художник помолчал.

– Все зависит от того, какую страсть вы имеете в виду.

– Спекуляцию тюльпанными луковицами.

– А. – Художник улыбнулся. – Тюльпанные луковицы.

Жена, сидевшая рядом с Корнелисом, шевельнулась. Корнелис решил, что художник тугодум.

– Я всегда считал голландцев здравомыслящими людьми, – продолжил он, – но в последние два года они стали словно одержимы.

– Неужели?

– Причем поветрию подвержены люди всех сословий – садовники и судовые повара, мясники и хлебопеки. Может, даже живописцы.

– Только не я, – возразил художник. – Я совсем не разбираюсь в коммерции.

– И они тоже. Однако на Бирже создают и теряют целые состояния. Эти новые гибридные сорта – за них заламывают неслыханную цену. Можно заработать тысячи

флоринов, если знать, где и как продавать. – В голосе Корнелиса послышались взволнованные нотки; он и сам неплохо заработал на тюльпанной лихорадке. – Представьте, на прошлой неделе одна луковица «Семпера Августа» – самого красивого и ценного сорта – была продана за шесть прекрасных лошадей, три бочки вина, дюжину овец, две дюжины серебряных чаш и морской пейзаж кисти Исайи ван де Вельде!

Художник молча поднял брови и продолжил работу. С одного из тюльпанов бесшумно слетел лепесток. Шварк, шварк – возила щеткой Мария. Было слышно, как она мурлычет себе под нос.

В комнате установилась томная, дремотная тишина. Корнелису вдруг стало одиноко, словно он путешествовал в дорожном экипаже и все пассажиры заснули. Почему жена молчит?

– Разумеется, это не местное растение – оно прибыло к нам из Турции. Когда я был молод, о нем знали только *cognoscenti* – аристократы и любители ботаники. Но мы прекрасные садоводы, не правда ли? На нашей плодородной почве эти скромные цветы преобразились в яркие и пышные создания. Неудивительно, что люди теряют от них голову, ведь тюльпаны остаются прекрасными даже после смерти. Ваши коллеги тоже обессмертили их на своих полотнах: братья Босхарт, Ян Давидс де Хем. Невероятно реалистичные картины, где нарисованные цветы будут и впредь цвести для новых поколений...

– Помолчите, пожалуйста, – перебил Ян. – Я пытаюсь нарисовать ваш рот.

София издала сдавленный звук. Она смеялась. Потом спохватилась и замерла.

Лицо Корнелиса вспыхнуло, словно его ударили по щеке. Что за неуважение? Ему еще так многому надо научить жену, передать опыт целой жизни. Порой казалось, будто ее мысли бродят где-то далеко. Она юная: милое создание, но в голове сплошная чепуха. Внезапно ему с грустью вспомнилась его первая жена Хендрике. Вот она была твердой и надежной. Хендрике никогда не воспламеняла его кровь, и он не испытывал к ней и половины того, что чувствовал к Софии, но была хорошим компаньоном. А у Софии семь пятниц на неделе: сегодня она сама нежность и любовь, а завтра хмурится и смотрит волком. В последние дни вообще вела себя очень странно.

Корнелис придал своему лицу строгое выражение. Выпятил грудь и крепко сжал трость. Да, этот художник – сомнительный малый. Недаром София была против. Но дело уже начато; надо поскорее закончить его.

8. Картина

Сколько полотен навсегда запечатлели божественную красоту, которая в своем плотском воплощении была быстро разрушена временем и смертью! Можно сказать, что труд живописца еще более благороден, чем работа матери-природы.

Леонардо да Винчи

На самом деле Ян ван Лоо рисовал не рот старика. Он рисовал губы Софии. Художник смешал на своей палитре розовый – охра, серый и кармин – и мягко коснулся кистью полотна. Она смотрела прямо на него. В какой-то момент, пока старик нес свою околесицу, ее губы тронула улыбка – улыбка соучастницы. Он успел ухватить ее призрак на картине.

В доме стало совсем тихо. Когда Ян закончит эту картину, она будет источать безмятежность и покой. Мария внизу погрузилась в сон. Утомленная любовью, она задремала на кухонном стуле. Этой ночью Виллем проскользнул к ней в постель, а ушел только на рассвете. Пока служанка спит, кот тащит через кухню сырую камбалу. Он делает это бесшумно. Никто не заметит кражи.

Наверху пытаются украсть кое-что другое. Корнелис тоже почти спит. В окно библиотеки льется солнце. Там, в углу, есть каминная полка, ее поддерживают две кариатиды. Яркое солнце пламенеет на их груди. Древние окаменелости на полке застыли в ожидании, которое длится уже сотни лет.

Проходит полчаса. Художник едва притрагивается к полотну. Он смотрит на Софию. За ее спиной висит «Снятие с креста». Это итальянская картина школы Караваджо. Христа опускают на землю. Свет озаряет Его обнаженный торс. Это не бледный и пассивный Христос севера. Нет, реальный человек – широкоплечий, мускулистый, с выпуклыми жилами. Он страдал и умер в муках. Тяжесть его заброшенного тела заполняет раму. Кажется, он вот-вот упадет на позирующих под ним супругов.

Внизу под Христом стоит старик, патриарх, гордо выпятив грудь над своими тощими ногами. Его обрамленное воротником лицо словно вопрошает зрителя, осмелится ли тот усомниться в его избранничестве перед Богом. Рядом сидит его красивая молодая жена. Волосы скромно зачесаны назад, но в них блестят жемчужины, словно подмигивая зрителю. Они придают картине иной смысл. На губах женщины застыла улыбка. Кому она улыбается, портретисту или зрителю? И можно ли вообще назвать это улыбкой?

Корнелис продолжает говорить, но его никто не слушает. София и художник с напряженной серьезностью смотрят друг на друга. Падает еще один лепесток; он открывает твердую головку рыльца.

Ян продолжает работать. Сотни лет спустя люди будут стоять в музее и смотреть на его картину. Что они увидят? Равновесие, гармонию. Супружескую пару, которая, несмотря на свой достаток, сознает, что жизнь проходит слишком быстро (весы, череп). Возможно, старик что-то говорил, но теперь молчит. Тогда его не слушали, а сейчас уже никто не услышит.

Его молодая жена действительно очень красива. Взгляд спокоен и светится любовью. На щеках все еще горит румянец, хотя она уже давно умерла. Осталась только эта картина.

*В гостиной той был пестрый попугай,
Висел он в клетке, но красиво пел.
И весел был певец в своем плену,
Как будто вел невесту к алтарю.
Пусть я твой раб – позволь мне быть рабом.
Возьмемся за руки и крепко их сожжем,
Связав две жизни клятвой и кольцом.*

Ван дер Миннен, 1694 г.

Мы со служанкой шли по Рыцарской улице. Было яркое ветреное утро. Крыши домов блестели на солнце, точно шлемы солдат, стоявших на часах. «Мой маленький солдат сегодня сонный...» Я крепко сжала веки.

– Вы никогда не играли в «головы и колени»? – спросила Мария.

Я открыла глаза.

– Что это такое?

– Мальчик выбирает девочку и прячет голову в ее колени. Остальные по очереди хлопают его по задку, а он должен угадать, кто именно. – Она засмеялась. – И чем больше они его шлепают, тем глубже уходит голова.

Вечером был дождь; сейчас дома казались отмытыми до блеска. Где-то высоко в доме служанка высунулась из окна и вытряхнула половую тряпку. Наш путь лежал на рынок. Мы спускались вниз по улице Пекарей, вдыхая хлебный аромат. Шедший навстречу мужчина поднял шляпу и улыбнулся.

– Вы его знаете? – спросила Мария.

– А ты?

– Надо шлепнуть его по задку – вдруг он нас узнает?

Мы засмеялись. Порой, когда мы отправлялись за покупками, я снова чувствовала себя маленькой девочкой среди своих сестер. Будто вырывалась на волю из холодного большого дома. А ведь он уже не станет теплее, сколько ни подбрасывай дров в камин.

«Пусть я твой раб – позволь мне быть рабом». Моя юность закончилась вместе с благосостоянием семьи. В суровой атмосфере бедности девичьи грезы исчезли как туман. Конечно, я была благодарна Корнелису и чувствовала к нему симпатию, но в то время плохо понимала, что больше всего мне хотелось вырваться из убогой атмосферы собственного дома. И только недавно стало ясно, что я просто сменила одну тюрьму на другую.

Наступил март. Мы с Марией прошли под большим каштаном. Его липкие почки уже лопнули, изнутри вылезли смятые листочки. Их нежная зелень пронзила мое сердце. Подойдя к площади, мы слышали шум рынка. Сначала он был слабым, как рокот моря. Но когда мы приблизились, гул превратился в оглушительный рев: громкие крики продавцов, грохот тележек. Я почувствовала прилив сил.

Мимо нас проковылял калека на костылях. Увидев нас, осклабился и облизал губы. Мария засмеялась.

– Эй, урод, хочешь полакомиться?

– Мария! – одернула я.

Но она снова засмеялась; ей было безразлично. Сегодня на нее что-то нашло. Мария расстегнула корсаж, обнажив округлости веснушчатой груди. Мне следовало сделать ей внушение. Напомнить старую пословицу о распутстве: «Нельзя почистить луковицу, не пролив слез». Но в глубине души я ей завидовала – боже, как я ей завидовала! Она была свободна и молода – значительно моложе меня. По сравнению со мной Мария казалась чистым листом бумаги, тогда как мой был уже исчеркан бесчисленными каракулями, которые я сама не могла разобрать.

Честно говоря, я плохо понимала, как надо вести себя с прислугой. Иногда мы щебетали как две подружки; в другой раз я задирала нос и изображала госпожу. Мария пользовалась моей неуверенностью: ведь я пока не привыкла к роли хозяйки.

Я вообще ни в чем не была уверена. В последнее время меня бросало из стороны в сторону. Решила, что на следующей неделе мы с Марией устроим весеннюю уборку. Я даже найму для этого еще одну служанку. Мы встанем на колени и начнем отмывать мои дурные мысли: вычистим всю вьевшуюся в них грязь. Верная чувству долга, я буду умерщвлять свою плоть, пока не доведу ее до полного изнеможения.

Мы вышли на площадь. Моя душа снова воспарила. Я почувствовала любовь ко всему: чайкам, кружившим в небе, как клочки бумаги; женщинам, перебиравшим на лотках фрукты под колебавшимся над ними полотном. Собака терлась боком о мостовую, мол, «посмотри на меня», будто она устраивала какой-то веселый фокус. Я улыбалась разносчикам и знахарям. «Свежая капуста, свежая морковь! Свежая коричная вода! Свежая анисовая настойка вылечит ваш живот, или мы вернем вам деньги! Свежие откормленные каплуны: два по цене одного, берите, пока есть!» Мальчик носился по площади, играя в мяч, крутясь и вертясь среди женских юбок.

Солнце проглянуло между облаков. Меня вдруг охватило отвращение. Эта собака совсем не резвилась: у нее были блохи. В церкви ударил колокол, призывая исповедать свои грехи. Странно, что никто не обернулся на меня в толпе. Огромное здание угрожающе нависло сверху, точно океанская волна.

– Госпожа! – подтолкнула меня Мария. Мы стояли у овощной лавки. – Я спрашиваю, сколько брать зелени?

Лавочник был крупный краснолицый, с бельмом на глазу. Я давно знала его, но сегодня он таращился так, словно видел меня насквозь. Я вдруг почувствовала себя голой, будто очистила тот самый лук, который вызывает слезы. Люди, снующие вокруг меня, – неужели они не видят, как порочно мое сердце?

Мария подала свою корзинку, и продавец положил в нее пучки зелени. Я потянулась за кошельком.

И тут я увидела его. Сердце подпрыгнуло у меня в груди. Это был Ян ван Лоо, художник. Он пробирался ко мне сквозь толпу. На нем был зеленый камзол и черный берет. Художник остановился, чтобы пропустить человека, катившего мимо бочку. Я поймала его взгляд. Звуки вокруг стали затихать, словно волна, мягко уползающая в море. На мгновение я подумала, что он оказался здесь случайно. Мы просто вежливо поздороваемся и разойдемся по своим делам.

Но я знала, что это неправда. Художник пришел, потому что хотел меня найти; он меня выслеживал. Ян ван Лоо остановился у лотка с дичью. Ободранные тушки качались перед его

лицом, судорожно сжимая когти: они знали, что к чему. Он заметил служанку и поднял брови.

Я похлопала Марию по плечу.

— Мне надо сходить в аптеку, взять нюхательной соли. — Я сунула ей кошелек. —

Продолжай покупки.

— Как вы возьмете соль, мадам, если у вас нет денег?

— Ах да.

Я вытащила несколько монет. Мои пальцы были непослушными, точно деревянные. Я сунула ей в руку монеты и быстро ушла, прижимая к груди кошелек, словно он мог меня защитить.

Я поспешно свернула в переулок. Путь преградил человек, кативший на тележке тушу дохлого быка. Я прижалась к стене, чтобы все это пропустить: гору желтого жира, его смрад. Позади слышались шаги. Я ждала — я и мое бьющееся сердце. И вот он оказался рядом.

— Мне надо с вами поговорить! — задыхаясь, выпалил Ян. — Вчера, когда вы сидели на сеансе... я не знаю, что со мной творилось.

— Пожалуйста, уйдите.

— Но вы этого не хотите.

— Хочу! Прошу вас.

— Скажите, что это неправда. — Он стоял передо мной, тяжело дыша. — Неужели вы должны похоронить себя заживо в этом доме?

— Не смейте говорить со мной в таком тоне.

— Я не могу спать, не могу работать, все, что я вижу, это ваше прекрасное лицо...

— Не надо... прошу вас...

— Я должен знать, есть ли и у вас те же чувства...

— Я замужняя женщина. И люблю своего мужа.

Мои слова повисли в воздухе. Мы стояли молча, переводя дыхание. Кто-то наверху закрыл окно. В переулке пахло нечистотами.

Ян посмотрел на меня и тихо произнес:

— Вы украли мое сердце.

Он взял мою руку так, словно это было какое-то сокровище, и прижал ее к щеке.

— Я не могу жить без вас. — И поднес мои пальцы к своим губам.

Я высвободила руку.

— Вы не должны так говорить. Мне надо идти.

— Не уходите.

На секунду я задержалась.

— Когда вы снова придете в наш дом?

— На следующей неделе.

Я быстро пошла прочь. Мое лицо горело, в ушах звенело.

В конце переулочка я оглянулась. Всем сердцем мне хотелось, чтобы он был там.

Но улочка опустела. Между домами текла сточная вода. Вывешенные на окнах простыни вздувались от ветра, будто желая привлечь внимание прохожих. «Смотрите, что творится! Остановите это, пока еще не поздно!»

Какая потеря для искусства, что такой мастер не нашел лучшего применения для своих способностей! Кто превосходил его в ремесле рисовальщика? Но увы! Чем выше талант, тем опаснее его заблуждения, тем более если он не считает нужным придерживаться каких-либо правил и принципов, а самонадеянно полагает, что все знает сам.

Андриес Пелс о Рембрандте, 1681 г.

Вернувшись в студию, Ян тяжело опустился на стул. Он уставился на куриную кость, которая валялась на полу вместе с горстью ореховой скорлупы. Он не помнил, как все это там оказалось. На изглоданной кости, посеревшей от пыли, еще оставались ошметки мяса.

Ян сидел и размышлял о любви. У него было много женщин – глупых девственниц, глупых жен. Для человека, посвятившего свою жизнь красоте, он был не особенно разборчив. «Не бывает некрасивых женщин – бывает мало бренди». Конечно, по-своему он их всех любил. Ян был страстным человеком. Он шептал им на ухо нежные словечки и радовался, когда их тела отвечали на его ласку. Но потом ему хотелось, чтобы они ушли. Если же оставались и спали в студии, он вылезал из кровати, натягивал штаны и шел работать.

У него была привычка работать по ночам, когда весь город спал. В глубокой тишине новые картины – невольные жертвы бессонницы – словно оживали под его рукой. Но чтобы видеть свою работу, ему приходилось зажигать много дорогих свечей, и это будило подружек в его кровати. Одна мысль, что на него смотрит женщина, выбивала Яна из колеи. Они ласково шептали ему «иди ко мне». Порой били себя в грудь и каялись, что ступили на стезю порока. Иногда – и это было хуже всего – требовали, чтобы он на них женился. Почему с женщинами всегда столько сложностей? Проще всего было бы высосать их, как устриц, и бросить на пол.

Бывало, что он работал всю ночь и засыпал только на рассвете. В утреннем свете свежие картины выглядели диковато, словно их застали врасплох. Везде следы спешки, грубые цвета. Приходилось снова идти к мольберту. Если женщина оставалась на ночь, она уходила от него в этот момент, полная сомнений и стыда. С ним оставалась лишь его настоящая любовь – несговорчивая, упрямая, но постепенно поддававшаяся ударам его кисти.

Ян поднялся с места. В первый раз его не тянуло к работе. Он походил по комнате, прислонился к каминной полке. София Сандворт его оттолкнула, но действительно ли она этого хотела? Насколько искренни ее слова? Вероятно, он совершил ужасную ошибку. Но он должен с ней увидеться, это выше его сил.

Его первым мотивом являлась обычная похоть. София казалась ему трудной целью, хотя небезнадежной. Молодая женщина вышла за богатого старика – такие в конце концов сдаются. Брак для них – сделка, в которой их покупают, как мешок зерна: какие бы чувства они ни испытывали к своим мужьям, любовью тут не пахнет. А художник – шанс получить свою долю романтики. Рано или поздно они уступают, несмотря на страх загробных мук, лишь бы формальности были соблюдены.

Но вчера, во время второго сеанса, произошло нечто странное. Старикан по-прежнему

нес всякую чушь: луковицы тюльпанов, де Хем... Порой заказчики сильно утомляли Яна. А она молча сидела рядом, скромная, как Мадонна, в синем платье. И вдруг они обменялись понимающим взглядом, словно два соучастника. Ян ясно читал все чувства в ее лице: иронию, насмешку, недовольство. И что-то еще, более глубокое и темное, кольнувшее его в сердце.

Теперь он сам себя не понимал. В первый раз, пытаясь соблазнить женщину, Ян сказал ей правду. С ним действительно творилось нечто необычное. София будто развязала путы, стянувшие его сердце, и он вдруг весь, целиком, оказался у нее в руках. Раньше Ян ни перед кем не раскрывался, и это чувство было ему внове. В нем заключался какой-то странный, упоительный соблазн. По дороге домой он прошел мимо мальчика, который играл на дудочке. Музыка наполнила его глаза слезами. Что с ним происходит? И что делать дальше? Может ли он надеяться на ее любовь?

В дверь резко постучали. Ян похолодел. София! Его бросило в пот. Нет. Это ее муж. Она рассказала ему о его утренней выходке, и он пришел его убить. А вместе с ним – дюжина парней из городской стражи, которые снесут ему голову.

Ян открыл дверь. В студию вошел его друг Маттеус.

– А у тебя, как всегда, свинарник, – весело заметил он.

– Геррит куда-то исчез.

– Твой слуга – пьяница. Выгони его к чертям.

– Хорошо, если смогу найти его. Он всегда где-то пропадает.

Маттеус сел в кресло.

– Я привел тебе мальчишку.

В дверном проеме маячил какой-то паренек. Худой, бледный, с длинными желтоватыми волосами.

– Его зовут Якоб.

Ян с трудом собрался с мыслями. Ну да, он совсем забыл об этом деле. Якоб был новым подмастерьем, которого он взял на учение с сегодняшнего дня. Маттеус привел его к Яну, потому что у него самого было уже трое учеников и они не помещались в его доме. Маттеус был щедрым, с большим сердцем и большим желудком. Он хорошо зарабатывал на так называемых сценках из народной жизни: кабаки, притоны... Они забавляли его клиентов, и в то же время в каждой из них заключался какой-нибудь назидательный урок, возвышавший заказчиков в собственных глазах. Его энергия была неистощима: он рисовал их пачками.

Ян поискал свои очки и протер их куском холста. Маттеус взял с пола несколько холстов и поставил к стенке. Он показал их мальчику:

– Посмотри на эти мазки – какая тонкая работа, как выписаны все детали: небо, облака, листва. А отлив на ткани – просто совершенство! Можно буквально дотронуться до складок. Этот человек научит себя всему, – Маттеус хохотнул, – если, конечно, ему как следует заплатить.

– Кто бы говорил, – буркнул Ян.

Маттеус глотнул из бутылки бренди и кивнул на своего товарища:

– Мой приятель знает первое правило в искусстве живописи.

– Какое? – спросил мальчик.

– Лестью можно добиться чего угодно.

– Неужели? – усмехнулся Ян.

– Главное, чтобы они вырядились в пух и прах, эти тщеславные простофили. – Маттеус

показал на набросок с фигурой Софии. – Посмотри на эту женщину. Уверен, в жизни она уродина...

– Ничего подобного! – возразил Ян.

– А что, скажешь, красотка? – фыркнул его друг.

– Она действительно очень красива и...

Маттеус громко засмеялся:

– Скажи лучше, что просто хочешь забраться ей под юбку. – Он повернулся к мальчику: – Кстати, вот еще одно ремесло, которому может обучить тебя наш мастер.

– Прикуси-ка язык, – произнес Ян. – Он еще ребенок.

Маттеус раскурил трубку и выпустил клуб дыма.

– Дружище, ты потрясающий художник. Можешь научить этого паренька всему, что нужно. Кроме одного – как стать по-настоящему великим. – Он ткнул в Яна своей трубкой. – Да, ты отлично рисуешь и преуспеваешь во всем, за что берешься. Тебе все дается легко. – Маттеус поднял со стола кисть и обратился к подмастерью: – Знаешь, что это такое?

– Кисть, – ответил мальчик.

– Нет, средство для удаления краски.

– Выпей еще бренди, – посоветовал Ян.

– Наш друг Рембрандт – он бы меня понял. Чем больше он кладет на полотно краски, тем больше обнажает то, что скрывается за ней, – правду. Понимаешь?

Мальчик неуверенно кивнул.

– Страдания, гуманность... – Маттеус повернулся к Яну: – Но ты должен бы сильным, мой друг, и не бояться боли. Только через боль открывается красота мира. – Он встал и расцеловал Яна в обе щеки. – Я говорю это тебе потому, что сам на такое не способен. По сути дела, я трус, фигляр, развлекающий публику. И меняться уже поздно. – Он допил бокал, потрепал юнца по голове и вышел.

Мальчик взглянул на Яна:

– И вы не сердитесь, что он с вами так разговаривает?

– Сержусь? Конечно, нет. Он говорит так потому, что меня любит.

Однако Ян чувствовал себя задетым, даже уязвленным, но он притворился, будто все в порядке, и небрежно развалился на стуле. Задрав голову к потолку, Ян посмотрел на стропила, затянутые паутиной. Возле окна висела белая мешковатая простыня, которую он прибил к стене, чтобы ловить свет. Там стояла София, положив руку на оконную задвижку. Она открыла окно и глубоко вдохнула, наслаждаясь утренней прохладой. Эта воображаемая картина заставила его проникнуться нежностью к задвижке. София повернулась к нему, закрыла окно и улыбнулась.

– Принеси-ка мне листок бумаги, – пробормотал Ян.

– Вы хотите дать мне урок рисования? – спросил мальчик.

Художник покачал головой:

– Я хочу написать письмо.

11. Мария

Кухарка должна смотреть одним глазом в кастрюлю, а другим на кошку.

Йохан де Брюн, 1660 г.

Мария сидела перед кухонным очагом и ощипывала утку. Птица была зажата у нее в ногах и висела вниз головой, словно стараясь рассмотреть лежавшие на полу крошки. Но она была мертва, и служанке хотелось плакать. Ведь если бы утка была жива, она могла бы, по крайней мере, поделиться с ней своими секретами. Глупо, конечно. Она уже сто раз ощипывала уток. А еще раньше, в деревне, весело сворачивала им головы. Но в последнее время ей было жаль всех, кто испытывал страдания, даже бессловесных тварей. Это было так похоже на ее любовь к Виллему... «Виллем, Виллем...» – повторяла Мария его имя. Ей хотелось жаловаться и хныкать; порой она чувствовала себя так, будто с нее сняли кожу. «Нельзя почистить луковицу, не пролив слез», – говаривала ее бабушка. Теперь Мария понимала, что она имела в виду.

Ее бабка вообще говорила много всяких мудрых вещей. Мария часто вспоминала, как она взбивала масло. Засучив рукава и склонившись над огромным чаном, энергично работала пестом, вращая им взад и вперед. «Без труда не вытянешь и рыбку из пруда, – бормотала бабка. – Без хлопот и доход не тот». Когда Мария стала постарше, заявила, что пахта – духовные радости, а сыворотка – плотские наслаждения. Тогда Мария ничего не поняла.

Кот сидел рядом и не отрывал взгляда от утки. Его хвост ходил из стороны в сторону. Мария была суеверной. Она решила, что если кот поскребет себя лапой, то Виллем постучит в дверь. У кота полно блох, ждать придется недолго.

В дверь постучали. Мария подпрыгнула, швырнула утку на стол и помчалась открывать. Она распахнула дверь. За порогом стоял какой-то мальчишка. Он протянул ей конверт.

– Пожалуйста, передайте это хозяйке дома, – сказал он.

Мария разочарованно взяла письмо, закрыла дверь и поднялась в хозяйскую спальню. После утреннего похода за покупками госпожа почувствовала себя плохо и не выходила из комнаты.

Оставшись один, кот быстро прыгнул на стол. Еще секунда, и его когти вонзились в утку.

Жена твоя, как плодовая лоза, в доме твоём; сыновья твои, как масличные ветви, вокруг трапезы твоей: так благословится человек, боящийся Господа!

Псалом 127

София стояла у окна и читала письмо. Солнечные зайчики играли на ее лице. Волосы были собраны со лба и откинuty назад. В мочках ушей висели маленькие жемчужины: они отражали свет и поблескивали под тяжелой прической. На Софии был черный корсаж, расшитый бархатом и серебром. Фиолетовое платье из шелка сияло в лучах солнца.

На деревянной рейке за ее спиной висел широкий гобелен. В полумраке на стене угадывались смутные очертания картин. Кровать закрывал бархатный зеленый балдахин, немного сдвинутый в сторону и открывавший краешек роскошного покрывала. Всю комнату наполнял спокойный золотистый свет.

Она стояла неподвижно. Одинокaя фигура, застывшая между прошлым и будущим. Краски, которые только предстоит смешать; замысел, еще не воплощенный в жизнь. Мгновение, какое вот-вот запечатлеют на холсте. Что решается в этот момент? Разорвет ли она письмо или быстро пройдет по тихим комнатам и незаметно выскользнет из дома? Ее профиль кажется таким бесстрастным.

А там, на улице, кипит жизнь. Два регента сидят в экипаже, который с грохотом переезжает мост. Они кивают друг другу: у них важный разговор. Из дверей склада выталкивают бочку и скатывают в баржу. Позже, когда ее изобразят на заднем плане, никто уже не узнает, что находилось в той бочке. Небольшая группа меннонитов, как воронья стая, собралась на углу улицы, мимо них с визгом пробегают дети. Снаружи шум и суета. А внутри – глубокое оцепенение.

В письме было сказано: «Слишком поздно. Мы оба это знаем. Я должен тебя увидеть, любимая. Приходи в мою студию завтра в четыре».

Если слез моих хочешь, ты должен сначала плакать и сам.

Гораций. Искусство поэзии

В песочных часах снова иссякла струйка. Ян перевернул их во второй раз. Пять часов. Она не придет.

Как глупо было надеяться! Геррит вымыл пол и прибрал в комнатах. Утром слуга вернулся из загула сильно опухшим и притихшим, но Ян был слишком занят собой, чтобы ругаться. Зато раскаяние делало Геррита особенно старательным: он не только навел порядок в доме, но и до блеска отдраил оконные стекла каким-то своим, только ему известным способом. Посреди комнаты стоял стол, накрытый на двоих: копченое мясо, сыр, вино, пирожные с марципаном и сахарной пудрой. Ян лично купил их утром. Геррита он выгнал в кухню. Ученика отправил домой.

София не придет. Каким безумием было поверить в это даже на секунду! С какой стати ей рисковать всем ради него? Он ничего не мог ей предложить, ничего. Только свою любовь.

Струйка песка быстро текла сквозь узкое горлышко. Пока внизу была только маленькая горстка, но она росла на глазах. Ян совсем не знал Софию. Правда, ему казалось, что он знал ее всю жизнь, она давно поселилась в его сердце, но он был наивным дурачком. В какой-то момент Ян даже обрадовался, что София не придет: реальность могла бы грубо разрушить его грезы. Он боялся разочароваться в ней – ради нее. Подобное с ним случалось впервые. Ян сам себя не узнавал.

Кучка песка росла. Чем выше она поднималась, тем больше таяли его надежды. Внизу на улице заорали двое пьяных. Этот район, Йордан, – неподходящее место для такой изысканной дамы, как София. Ян оглядел студию и увидел помещение ее глазами. Белая простыня, прибитая к потоку, паутина в углах. Тумба, задрапированная тканью: место, куда он сажал свои модели. Вдоль стены лохматой порослью лежало множество бумажных рисунков, от пола до потолка тянулась большая трещина. На крюках висели гипсовые слепки – нога, рука. В комнате сильно пахло льняной олифой, на которой он разводил краски.

Ян родился в семье ремесленников. Его отец был ювелиром, двое братьев занимались росписью по стеклу. Ян привык жить в рабочей обстановке, но как он мог вообразить, будто София, благородная женщина, захочет рисковать своей репутацией ради вот этого? А Ян даже застелил кровать чистым бельем, несчастный идиот.

Стеклянная колба часов наполнилась уже наполовину. Софии все не было. Ян сел на сундук и натянул башмаки. Напоследок бросил взгляд на сервированный стол: бокалы на тонких ножках, ваза с фруктами, пирожные в белой пудре. словно натюрморт, который стоял тут уже с четырех часов, дожидаясь гостей. В каждой его детали хранились тысячи возможностей, теперь останутся лишь в его воображении. Ян смотрел на них глазом художника: белая простыня, смятая между двумя бокалами, металлический блеск ножа, блики на кувшине. Несмотря ни на что, эта гармоничная композиция доставила ему удовольствие.

– Геррит! – крикнул он. – Убери со стола, я иду в таверну.

Ян услышал легкий звук. Сначала решил, что это ветка стукнула в окно. Он встал и

надел плащ. Ноги вдруг отяжелели, будто увязли в болотной топи.

И снова стук, теперь точно в дверь. Ян шагнул вперед и распахнул ее настежь. Прямо перед ним стояла София.

— Это я, — сказала она.

14. Мария

Любовь нельзя ни купить, ни продать – она приобретается лишь самой любовью.

Якоб Катс. Моральные символы, 1632 г.

Мария сидела на ступеньке рядом с Виллемом. День клонился к закату, высокие стены отбрасывали тень в глубину двора. В это время года солнце появлялось в нем изредка, на несколько минут. Ее метла стояла тут же, прислонившись к стене, словно часовой.

Виллем нежно поглаживал пальцы Марии.

– Тебе надо смазывать их жиром, сердечко мое. Гусиным салом. Тогда ты сразу превратишься в даму.

– Ну, не так скоро! – засмеялась она.

Мария прижалась к его плечу. Каменные ступеньки холодили ее тело, но она не решалась увести Виллема в дом: вдруг хозяйка еще там? Кажется, это письмо ее сильно расстроило. Наверное, она получила плохие новости от своей семьи. Весь день с ней творилось что-то неладное. Два раза накидывала плащ, чтобы выйти на улицу, и снимала его. В последний раз Мария видела, как хозяйка сидела у входной двери и крутила волосы на пальце.

– Мария, милая, я хочу тебя кое о чем спросить.

– О чем?

– Я люблю тебя, а ты любишь меня. – Виллем обнял ее за талию. – Думаю, я имею право так говорить.

– Конечно, я тебя люблю. Вчера я ревела, ощипывая утку. Когда я тебя вижу, меня бросает в дрожь. К чему ты клонишь?

– Ну, значит, мы с тобой... Давай поженимся! Согласна?

Мария кивнула. Ее переполняло счастье. В соседнем дворе на яблони щебетал черный дрозд, его песня лилась на нее как струя золотых монет, как сладкое вино. У Марии кружилась голова.

– Конечно, я хочу за тебя замуж, Виллем, но у нас нет денег.

– Подожди. – Он потер кончик носа. – У меня есть план.

– Какой?

– Я пока не хочу его раскрывать. Главное в том, что я собираюсь сделать из тебя даму и у нас будет дом, где жить, а потом мы заведем детишек.

Детишек! Мария закрыла глаза. В ее мечтах их всегда было шестеро. Она уже чувствовала, как они толкаются вокруг нее, стараясь забраться к ней на колени. Во сне это были рыбки, но теперь они вдруг стали живыми и реальными. Ее счастливый смех эхом откликнулся на щебет пташки.

– А как ты собираешься найти деньги? – спросила Мария.

Виллем взял ее руку и прижал к своему сердцу.

– Доверься мне, любовь моя, доверься мне. – Он уже вел себя как муж, брал дело в свои руки. Даже его голос зазвучал глубже и увереннее. – Скажу так – это будет нечто вроде делового предприятия.

Он хочет на ней жениться! Мария устала на клумбу. Там уже проклюнулось несколько зеленых ростков – символ надежды. Они упрямо, неудержимо лезли на свет, раздвигая комья почвы. Значит, весна пришла. Мария положила голову на плечо Виллема: во всем городе не было пары счастливее, чем они.

Тот, кто решается плыть в неизведанные воды, наверняка потонет.

Якоб Катс. Моральные символы, 1632 г.

Ян жил в нижнем этаже дома на Бломграхт, почти в миле от нашего особняка. Он хотел проводить меня обратно, но нас не должны были видеть вместе. Я осторожно выскользнула из его студии и поспешно зашагала по улице. Солнце уже садилось, закат заливал стыдливым румянцем половину неба. Весь город, все здания и перекрестки покраснели от стыда. Канал превратился в огненную лаву. Вода алыми бликами плясала на кирпичных стенах. Огня охватило пламя.

Любовь влажным сгустком еще находилась у меня между ног. «У нас есть час, только один час». Господи, но что был за час! Даже если он никогда больше не повторится, я запомню его на всю жизнь.

Опустив голову, я прошла по Западному рынку и свернула в переулок. Я чувствовала себя убийцей, бегущим с места преступления. Нижняя часть домов казалась отбеленной водой, только вокруг дверей и окон ярко полыхали остатки краски. Если бы и я могла так же отбелить свои грехи...

– София, дорогая! Не ожидала вас здесь встретить.

Я невольно отшатнулась: мы едва не столкнулись нос к носу.

– Значит, вы бываете в этом районе. Какое милое платье, расскажите, где брали материал?

Это была госпожа Майхгинс, жена нашего стряпчего. Она зашагала со мной рядом.

– Вы должны открыть мне свой секрет.

– Какой? – испуганно спросила я.

– Тот, что вы хорошо скрываете. Всегда обещаете рассказать, но потом молчите.

– О чем?

– О вашей портнихе, конечно. Помните наш разговор на музыкальном вечере? Моя совсем ничего не умеет, мне ее рекомендовала миссис Овервалт, но она едва может сделать простой шов. К тому же у этой неумехи всегда простуда. А вы выглядите великолепно! Вам так идет бордо, и ткань отличная – подчеркивает цвет лица. Хотела бы я, чтобы мои дочери выглядели как вы... Ох, помедленнее, пожалуйста. Я едва за вами поспеваю.

Ткань должна показывать скрытую под ней фигуру, облегать тело, подчеркивая его форму и движения, и не создавать лишних складок, особенно на выступающих частях, чтобы открыть их глазу.

Леонардо да Винчи. Записные книжки

Живопись равносильна одержимости. Все предметы, даже самые скромные, она видит одинаково сочно и ярко. Животные, овощи или минералы – все для нее равны; выпуклость глиняного кувшина она рисует так же любовно, как женскую грудь. Страсть художника воистину бесстрастна.

Но теперь все изменилось: Ян стал одержим иным. Сегодня их третий и последний сеанс; потом он отнесет холст домой и закончит его в студии. После того как он трогал ее тело, скрытое под тканью, как сжимал в своих объятиях обнаженную Софию, – его словно парализовало. Эта скромная и целомудренная жена, сидящая на стуле с неприступным видом, – его любовница. И он больше не может видеть в ней только сочетание кобальтово-синего платья, подбитого мехом жакета и бледной кожи. Гармония и равновесие были разрушены его любовью.

София сияет, просто источает свет. Неужели ее муж этого не чувствует? Вероятно, Корнелис старый педантичный идиот, но как он может не замечать напряжения, разлитого в комнате?

Все эти вопросы отвлекали его от дела. Ян сообразил, что уже несколько минут молча стоит с кистью в руке. Корнелис, наверное, что-то заподозрил. Даже две фигуры на полотне: блеклые тени, наполовину существовавшие только в его воображении и лишь отдаленно схожие с реальными людьми, казалось, смотрели на него с презрением, словно он их предал. Ударами кисти Ян наполнял Софию жизнью и в то же время навеки заключал ее в образ добропорядочной жены – тихой женщины, послушно сидящей рядом с мужем.

Ничего другого ему не оставалось. Но теперь его преследовал страх, что портрет окажется фальшивым, он не справится со своей задачей. Ян проклинал ловушку, в которую попал, и твердил себе, что, будь он великим художником, София ожила бы на его полотне, излучая свет и любовь для каждого, кто ее увидит. Он может, он обязан это сделать, если хочет оправдать ее доверие.

Продолжая работать, Ян слышал ее голос: «Я полюбила тебя сразу, как только увидела».

Сколько в ней неожиданного, непредсказуемого! Он боялся, что Софию будут терзать раскаяние и муки совести.

«Нет, теперь уже слишком поздно. Я хотела сюда прийти. И я желаю находиться здесь. Больше ничего не имеет значение, только это».

Когда они легли в постель, Ян был так взволнован, что вначале у него ничего не получилось. «Значит, я зря пожертвовала всем?» – прошептала София, смеясь.

«Я не могу поверить, что ты здесь», – пробормотал он.

Она взяла его руку. «Я просто женщина – вот, смотри... из плоти и крови».

Мир полон хаоса. Все художники это знают, но стараются найти в нем смысл. София дала ему этот смысл. Связала его в единое целое, соткала из своей любви, словно чудесную

накидку, под которой они могли укрыться от людей. И там уже никто не мог им помешать.

Если, конечно, не считать того, что вместе они находились только час, у Софии совсем другая жизнь, и Корнелис постоянно рядом с ней, и почему бы ему не умереть?

Комната в библиотеке была выложена черными и белыми клетками. Шахматная доска для игры в жизнь. Ян прищурился, и комната стала расплываться. Он поднял свою королеву – Софию. Поставил на клетку рядом с мужем. Потом взял мужа и выбросил его с доски.

Ян собрал вещи. Корнелис попрощался и вышел в другую комнату. Они слышали, как затихли его шаги. Где-то вдалеке хлопнула дверь. София проводила Яна до двери.

– Меня чуть не застучали, – прошептала она. – Я столкнулась с женщиной, которая меня знает.

Они резко обернулись. Мария шла через комнату со слезами на глазах. Она держала за ноги птицу.

– Ее убил кот. Посмотрите – тот самый дрозд, который недавно пел на яблоне.

– Бедняжка. – София взглянула на птичку. – Не надо плакать.

– Он для меня так много значил, – рыдала служанка. – И вы знаете, что бывает, когда умирает дрозд...

– Мария! Перестань.

София вывела Яна на улицу.

– Завтра утром в одиннадцать, – прошептал тот.

Он уронил на землю свою сумку. София нагнулась вместе с ним, чтобы поднять ее.

– У моста на...

Ян произнес название улицы.

– Я закопаю его в клумбе, – пробормотала служанка.

Высшая похвала женщины состоит в том, как она ведет свое хозяйство. Ибо черепаха всегда находится в своем доме и несет его с собой при любых обстоятельствах.

Й. ван Беревик, 1639 г.

Льет дождь. Я быстро иду по Сырной улице в сторону гавани. В магазинах лежат огромные сырные головы, они словно провожают меня осуждающим взглядом.

Наверное, сегодня он не придет – в такой дождь. Может, совсем меня не любит? Плохо, что на улице мало прохожих. В толпе всегда безопаснее, а теперь я одна и беззащитна. И все-таки мое сердце колотится от радости.

За последнюю неделю город изменился. Даже если Ян сегодня не придет, все равно он существует, дышит воздухом, ходит по этим улицам. Каждый дом мне дорог потому, что его видел он. Но город полон опасностей. Здания конвоем выстроились вдоль улиц: они просматривают их из конца в конец. Столько окон, дома буквально кишат окнами: большими окнами вровень с улицей, рядом со мной. Окнами, сгрудившимися в верхних этажах. Целые ряды шпионских окон и смотровых люков на самом верху, у гребешков крыш. Некоторые ставни закрыты, другие открыты. В сумраке невидимых комнат мелькают чьи-то тени. За открытой створкой – почему она открыта? – шевелится занавеска.

А еще есть перекрестки. Они будто начинены порохом, опасность поджидает за каждым углом. «София! Не ожидала увидеть вас здесь». Как легко меня может выдать даже тот, кто не желает никакого вреда.

Я свернула за угол. Ветер хлещет мне в лицо. Я упрямо нагибаю голову, но он толкает меня назад, обратно в Геренграхт, где живу. Сейчас март, но зима вернулась: мое лицо немеет от холода. Я быстро иду вдоль канала, соленый воздух щекочет ноздри. Дома торговцев высокие, в шесть этажей. Наверху открыта дверь, под ней висит лебедка. Она болтается на крюках у меня над головой.

И тут я вижу его. Впереди мостик; Ян спешит мне навстречу с противоположной стороны канала. Он машет мне рукой, сердце у меня прыгает. Я знала, что он придет. Ускоряю шаги. Приближается лодка. Через несколько минут мостик разведут и он разлучит меня с возлюбленным. Я со смехом бегу вперед.

Ян остановился. В первую секунду я не поняла почему. Потом заметила троих мужчин в черном, выходящих из склада. Один из них был мой муж. Он отделился от группы и направился ко мне.

– Дорогая, что ты тут делаешь? Ты промокла.

Я быстро соображала. В конце улицы торчал знак лекаря: три полосы – красная, синяя и белая. Красная означала кровопускание, синяя – бритье, белая – лечение переломов и удаление зубов.

– Надо выдернуть зуб, – ответила я. – У меня ужасная боль.

– Но почему ты ничего мне не сказала? И почему не пошла к лекарю на Принзенграхт?

– Госпожа Майхтинс рекомендовала мне этого.

– Я тебя провожу. – Корнелис повернулся к мужчинам: – Будьте добры, подождите меня в

конторе.

– Нет, не нужно, возвращайся к своей работе.

– Но...

– Прошу тебя. Со мной все в порядке. Смотри, дождь закончился.

– Но ты не можешь идти домой одна. Тебе будет нехорошо, и...

– Мария за мной зайдет. Пожалуйста, ступай.

Корнелис помолчал, поглаживая бороду. Его спутники нетерпеливо топтались рядом. Я поняла, что выиграла. Муж поцеловал меня в щеку, и они ушли. Я направилась в переулок к лавке лекаря. Позади послышались шаги. Это был Ян. Он взял меня под локоть и завел в таверну. Мы сели за столик. В зале было малоллюдно, и я никого не знала. К тому же я редко посещала подобные заведения, тем более далеко от дома.

– Что нам делать? – спросила я. – Если я буду ходить в твою студию, меня заметят. Рано или поздно это случится.

– Ты очень красива. – Ян пожирал меня взглядом, вытирая мне лицо носовым платком. – Идем ко мне, в постель.

– Я не могу! Меня увидят.

– Тогда подождем, когда стемнеет.

– Все равно увидят.

– Милая, я не могу жить без тебя.

Девушка принесла нам бокалы с пивом. На стене висела клетка с птицей. Попугай ходил по своей жердочке, переступая с лапы на лапу. Он подошел к нам, склонил голову набок и уставился одним глазом.

– А теперь я еще должна выдернуть зуб, – продолжила я.

– Любовь моя, я готов выдернуть для тебя все свои зубы.

– Не вздумай! У меня уже есть один старик, зачем мне второй?

Мы невольно рассмеялись. Потом вдруг замолчали, опустив головы. Высмеивать собственного мужа? Я буду гореть в аду.

– Как он смеет тебя целовать?

– Прошу тебя...

– Хватать своими костлявыми руками? Я этого не вынесу...

– Перестань!

Но это правда. Его неприятное дыхание... серая, морщинистая кожа... и другие части тела, о которых не хотелось даже думать... Но я молчала. Зачем усугублять свое предательство?

Ян взял меня за руку под столом.

– Приходи ко мне сегодня вечером.

Я взглянула на него: влажные растрепанные волосы, синие глаза. И не смогла устоять.

– Почему ты не одета? – спросил Корнелис. – Уже шесть часов.

– Я не хочу идти.

– Но тебе всегда нравилось играть в карты с Кониксами. В прошлый раз ты выиграла, помнишь? И они прислали тебе спинет. Кажется, ты говорила, что хочешь на нем поиграть.

– Зуб еще болит.

– Ох, бедняжка... дай я посмотрю...

Я отшатнулась.

- Нет.
- Ты так страдаешь...
- Камфорное масло помогает, но все-таки мне лучше остаться дома.
- Тогда я останусь с тобой.
- Нет!
- Без тебя все равно не будет никакого удовольствия.
- Я хочу побыть одна, – возразила я. – Так лучше. Правда, милый, я лягу спать пораньше.

А ты иди – ведь это твои старые друзья. Прошу тебя.

[Купить полную версию книги](#)